

Московские ведомости. 1904. 5 июля. № 183. С. 4.

ЧЕХОВЪ И МОСКВА.

Внезапно умеръ Чеховъ...

Только на дняхъ промелькнуло въ газетахъ извѣстіе, что въ здоровья писателя наступило улучшеніе.

Тамъ неожиданнѣе была скорбная вѣсть, которую принесъ телеграфъ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ всецѣло, можно сказать принадлежитъ Москвѣ.

Москва была колыбелью его таланта, его будущей славы. Здѣсь, еще будучи студентомъ университета, Чеховъ началъ печатать въ юмористическомъ журналѣ *Будильникъ* свои первые маленькіе рассказы.

Здѣсь же онъ получилъ и свое высшее образованіе, окончивъ въ 1884 году медицинскій факультетъ со званіемъ лѣкаря. Впрочемъ, медицинскою практикою Чеховъ занимался мало, а окончательно посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Писать массу. Кромѣ *Будильника* работалъ и въ другихъ юмористическихъ журналахъ: *Осколокъ*, *Смѣхъ*. Затѣмъ въ *Петербургской Газетѣ* и въ *Новомъ Времени*.

Антонъ Чехонте—прозвище, которое ему дали его товарищи гимназисты, было сначала его псевдонимомъ.

Но скоро Антонъ Чехонте сталъ уже Антономъ Чеховымъ, а затѣмъ и общепризнаннымъ талантливымъ писателемъ.

Чеховъ безусловно талантливъ.

Его маленькіе рассказы, къ слову сказать — составляющіе чуть не $\frac{3}{4}$ всѣхъ его произведеній, перфидно, положительно, шедевры. Правда, очень часто они не болѣе, какъ анекдоты. Но анекдоты, очень тонко и мило написанные...

Этой своей манерой письма Чеховъ всего болѣе напоминаетъ Мопассана, какъ, пожалуй, и своимъ міросозерцаніемъ. Недаромъ же Чехова такъ любятъ сравнивать съ Мопассаномъ! И также, какъ и Мопассана, любятъ упрекать въ пессимизмъ.

Но можно ли Чехова назвать пессимистомъ только потому, что онъ является яркимъ изобразителемъ духовнаго вырожденія и измельчанія нашей интеллигенціи и ея идеаловъ?

Нѣтъ, изображая банкротство русскоѣ интеллигенціи, ея духовное измельчаніе, воспроизводя почти исключительно одиѣ отрицательныя стороны жизни, литературу будней, Чеховъ указывалъ и положительные идеалы — идеалы свѣта, труда. Труда — въ особенности!

Поэма *смерехиха будней*, Чеховъ умѣлъ наблюдать. Много наблюдалъ и много перечувствовалъ. Образъ отца Христофора, наприимѣръ, въ его повѣсти *Смерть* — это положительно живое, въ высшей степени жизненное и правдивое лицо.

Но въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ жизни, въ изображеніи ея пошлыхъ проявленій, Чеховъ схватывалъ только какъ бы наружныя ея

выраженія, не забираясь вглубь, не раскрывая ее тайных пружинъ. Поэтому его повѣсти и рассказы часто оставляли впечатлѣніе неудовлетворенности.

Поэтому же Чехова частенько упрекали въ отсутствіи тенденціозности, называя это отсутствіе тенденціозности—отсутствіемъ міросозерцанія...

Между тѣмъ, въ этомъ-то отсутствіи тенденціозности, несомнѣнно, заключается первая и главная заслуга покойнаго писателя! Талантливаго художника-реалиста, художника-скептика, правдиво воспроизводившаго предъ нами картину жизни, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличеній, восхваленій и обличеній, воздержавшагося отъ всякихъ попытокъ того или другаго ея объясненія или истолкованія и въ то же время не дававшего намъ успокоиться на ней, этой печальной правдѣ, будившаго и тревожившаго нашу мысль, заставлявшаго ее непрерывно работать!..

Какъ драматургъ, Чеховъ особеннаго успѣха не имѣлъ. Его пьесы не разъ проваливались и въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Лучше пошло дѣло, когда драмы Чехова стали ставить Художественный театръ. Онъ же поставилъ и его послѣднюю пьесу *Вишневый Садъ*, постановка которой совпала съ 25-лѣтіемъ литературной дѣятельности А. П. Чехова.

И всѣ эти 25 лѣтъ онъ почти цѣлкомъ провелъ въ Москвѣ. И даже, когда обострившаяся болѣзнь заставляла его жить на югѣ, все-таки душой онъ всеъ былъ здѣсь, въ далекой милой ему Москвѣ...

Въ Москвѣ же будетъ и погребено его тѣло.